Е. Д. Твердюкова

«Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда-Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие. 1918–1928 гг.[1]

Твердюкова Елена Дмитриевна, *доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)*

По мнению большинства современных исследователей, ломбардный кредит призван поддерживать и повышать платежеспособность населения, что имеет особое значение в периоды социально-экономических кризисов. В подобных ситуациях ломбарды становятся важнейшим источником кратковременных ссуд, не случайно в литературе подобные учреждения называются «банками для бедных». Но некоторые экономисты полагают, что в условиях низкого жизненного уровня большинства населения развитие ломбардного кредита сопровождается ростом просроченной задолженности, поэтому он не способствует росту благосостояния граждан[2].

В этой связи изучение отечественной специфики регулирования деятельности ломбардов в кризисные периоды истории представляет несомненный интерес и практическую ценность, тем более что деятельность этих кредитных учреждений в советский период в научной литературе совершенно не освещена. Даже в авторитетных изданиях, посвященных истории финансов и кредитной системы в СССР, о них упоминается лишь фрагментарно[3].

Считается, что организованная деятельность ломбардов в России началась в рамках кредитных операций Воспитательных домов Санкт-Петербурга и Москвы. Капиталы организованных при них Ссудных касс («казен») складывались из «комнатных» (личных) денег императрицы Екатерины II и частных пожертвований. Начало регулярной выдачи денег из Петербургской Ссудной казны относится к 21 октября 1776 г., когда для ее нужд были арендованы помещения с погребами в доме «Общества мещанских девушек» в Смольном монастыре[4]. В начале

© Е. Д. Твердюкова, 2016

1870-х гг. эти кредитные учреждения были переданы в ведение Министерства финансов и стали получать финансирование за счет ссуд Государственного банка.

К 1917 г. в Петрограде действовали также Городской ломбард, Общество для закладa движимых имуществ (с восемью отделениями), Первый Петроградский ломбард (Главная контора, Петроградское отделение и два «громоздких» склада), акционерные общества «Петроградский столичный ломбард» и «Северный ломбард» (каждый с двумя отделениями), «Петроградский частный ломбард» (с восемью отделениями), а также многочисленные аукционные залы. Основными их операциями являлись выдача ссуд под движимое имущество, прием вещей на хранение и комиссионные продажи с аукциона по поручениям граждан.

Удорожание жизни, падение доходов населения в годы Первой мировой войны внесли коррективы в деятельность ломбардов. Так, в Петроградской Ссудной казне уже в 1915 г. операции по приему новых закладов, преобладавшие в мирное время, уступили первенство выкупу и перезакладу[5].

А в 1917 г. ломбардам пришлось работать в чрезвычайных условиях. Так, например, часть ценностей Городского ломбарда была эвакуирована, и след их потерялся в Нижнем Новгороде. Согласно описи драгоценностей, сданных Совету коммунального хозяйства в 1919 г., эвакуированных вещей числилось по выданным ссудам на сумму до 18 млн руб.[6]

2 декабря 1917 г. служащие Горломбарда объявили забастовку, и все операции были приостановлены до апреля следующего года. Неудивительно, что в 1918 г. количество денежных выдач сократилось более чем вдвое (с 245 720 до 119 564). Несмотря на повышение процентов по ссудам, сборов за хранение вещей, а также установление особого сбора за залоговые билеты, дефицит, составлявший в 1917 г. 267 тыс. руб., в 1918 г. вырос до 762 660 руб. (вследствие недостатка оборотных средств, роста заработной платы, арендной платы, расходов на отопление и освещение)[7]. Деятельность всех ломбардов Петрограда, судя по их балансам по состоянию на 1 января 1919 г., оказалась убыточной.

Очевидно, тем не менее, что для значительной части населения в период послереволюционных лишений ломбарды сыграли поистине спасительную роль, что нашло отражение и в литературном творчестве тех лет:

Бухгалтер, клерк, чиновник, бард,
Актер и педагог,
Развив галоп, несут в ломбард
Не узел, — целый стог:
Панаму, светлое пальто
(теперь не их стезя),
Пиджак, жилет и... даже то,
Чего сказать нельзя![8]

Существование кредитных учреждений, не подконтрольных государству, однако, оказалось трудно совместимым с провозглашенным в РСФСР социалистическим государственным строем. В феврале 1919 г. в Петрограде была учреждена Комиссия для выяснения положения дела мелкого потребительского кредита. В ее итоговом докладе Исполкому рабочих и красноармейских депутатов Союза коммун Северной области дальнейшее содержание ломбардов называлось совершенно бесцельной тратой городских средств. Но ввиду того, что деятельность частных ломбардов и аукционов (являвшихся «почти единственным остатком капиталистической эксплуатации нужды беднейшего населения») сопровождалась высоким процентом по операциям, Комиссия сочла более справедливым и практичным муниципализировать все частные ломбарды, кассы ссуд, аукционные залы[9].

Обязательное постановление Петроградского исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов, опубликованное 1 августа 1919 г., предписывало сохранить ломбарды «в целях предоставления беднейшему населению Петрограда возможности пользоваться ссудами под заклад движимого имущества... временно, впредь до создания условий жизни трудящихся, при которых существование ломбардов и им подобных учреждений будет излишним»[10]. Все они муниципализировались и передавались в ведение Совета коммунального хозяйства (Совкомхоза). Владельцы указанных предприятий в двухнедельный срок были обязаны сдать Совкомхозу все имевшиеся у них денежные ценности и инвентарь, служащие — зарегистрироваться в Управлении делами городского ломбарда. Красноармейцы и граждане, представившие удостоверения в законном отсутствии в Петрограде в период ликвидации ломбардных предприятий, сохраняли право получить обратно свое имущество в месячный срок по возвращении в город. По истечении этого срока оставшиеся невыкупленными вещи передавались в комиссионные магазины для продажи.

С августа 1919 г. все ломбардное делопроизводство сосредоточивалось в фактическом ведении Горпродукта[11]. Вместо существовавших в городе до революции трех десятков отделений ломбардов, Коллегия Совкомхоза 16 октября 1919 г. постановила оставить лишь три, располагавшиеся на набережной реки Мойки, на Большом проспекте Васильевского острова и на проспекте Нахимсона (бывшем Владимирском). Существование их, «пусть и не совместимое с задачами коммунизма», оправдывалось необходимостью противодействовать развитию ростовщичества. Планировалось взимать не более 6 % годовых от суммы ссуды, а плата за страхование и хранение закладов не могла превышать 6 % от оценочной суммы заклада. Обслуживать эти кредитные учреждения были призваны исключительно беднейшее население, не давая возможности торговцам и состоятельным лицам пользоваться кредитом.

Однако статистика залогов позволяет предположить, что клиентами ломбардов в этот период являлись зачастую представители так называемых «бывших», оказавшихся на положении маргиналов, вынужденных жить за счет сохранявшихся у них на руках

ценностей. Так, из числа принятых в 1919 г. во Владимирском отделении Петроградского столичного ломбарда закладов 2 288 представляли собой драгоценности, 1 558 — «красный» товар (ткани, мануфактуру), 385 — пушной товар, 174 — галантерею[12].

Руководство Управления городскими ломбардами рассчитывало на извлечение в 1919/1920 операционном году прибыли в размере 9 040 000 руб. Считалось, что «всякий нуждающийся гражданин предпочтет отдать во временный залог свои вещи вместо продажи их на рынке»[13]. Но клиентура при этом должна была получить гарантии ограждения залогов от реквизиции, конфискации и прочих посягательств. Именно этой уверенности залогодатели как раз и не имели. Доход от ломбардных операций по хранению имущества, составлявший в 1917 г. 64 тыс. руб., в 1918 г. снизился до 4 340 руб. И это явилось не только следствием массового отъезда потенциальных клиентов из России, но и результатом периодических реквизиций залогов. Назначенный заведующим Городскими ломбардами С. Ф. Бахланов в октябре 1919 г. в заявлении в Коллегию Совкомхоза сообщал, что склады хранения на Тучковом буяне не гарантированы от изъятия вещей в пользу различных комиссий, имеющих отношение к делу распределения предметов хозяйственного обихода: «Ныне хаос достиг апогея, у Религиони (зав. складами. — *Е. Т.*) отобраны ключи от всех кладовых. Я неоднократно указывал, что в складах ломбарда хранятся вещи красноармейцев, совслужащих и прочих лиц, законно отсутствующих или не имеющих возможности держать вещи на квартирах, сданные Совкомхозу на хранение в предположении, что он, взимая плату за это, отвечает за сохранность. Но ее нет и признака, вещи пропадают целыми возами»[14].

Деятельность ломбардов в годы гражданской войны, помимо прочего, была крайне затруднительна ввиду резкого обесценивания денег, разрушения единого рублевого пространства, натурализации хозяйственной жизни[15]. С 1917 г. до середины 1920-х гг. в обращении в России находилось от пяти до двадцати тысяч разновидностей бумажных денежных знаков[16]. Роль денег как платежного средства падала, уступая место товарообменным операциям, а также распределению по карточкам и пайкам. С. Ф. Бахланов указывал, что для населения Петрограда, которое к концу 1919 г. стало состоять преимущественно из «остатков рабочего и интеллигентного пролетариата», ломбарды в дореволюционное время являлись местом более популярным, чем церкви и театры. Но за полтора года, прошедших с октябрьского переворота, обороты и посещаемость этих кредитных учреждений упали на три четверти, а сокращение их до нуля, по его мнению, оставалось лишь вопросом времени[17]. В течение 1920 г. ломбарды Ленинграда закрыли все операции и прекратили свою работу.

Восстановление кредитно-финансовой системы стало возможным только после перехода от военного коммунизма к НЭПу. 11 октября 1922 г. декретом СНК РСФСР в целях предоставления нуждающемуся городскому населению возможности пользоваться доступным потребительским кредитом было разрешено создавать коммунальные ломбарды, а спустя месяц был введен в действие их типовой устав[18].

Петроградский коммунальный ломбард начал свою деятельность 20 января 1923 г., когда был открыт его первый комиссионный магазин на проспекте 25 Октября, дом 15. К собственно залоговым операциям ломбард приступил 2 марта 1923 г.[19] Он занял комплекс зданий, в которых ранее размещался частный ломбард, на набережной реки Мойки, 72 (у Синего моста), расположившись в пяти трехэтажных каменных флигелях.

Основным мотивом при открытии ломбарда объявлялась «борьба с ростовщичеством частных коммерческих контор»[20]. Свидетельством востребованности его услуг может служить то, что со 2 марта по 30 сентября 1923 г. основной капитал обернулся почти 4,5 раза при сроке залога в один месяц (с правом двух отсрочек по одному месяцу каждый и одном льготном месяце). За этот период ссуды получили 31 719 закладчиков на сумму 269 382 руб. 57 коп.[21]

С самого начала деятельности ломбарда стало очевидно, что его оборотные средства не позволяют работать бесперебойно. Он вынужденно ограничивал размеры ссуд 30–35 руб., а в марте – апреле 1924 г. работал лишь дважды в неделю. Фактически Петроградский коммунальный ломбард не являлся правопреемником какого-либо из Городских ломбардов, а начал деятельность с нуля. Его основной капитал заключался в 1 500 000 руб. дензнаками, что по существовавшему на 1 марта 1923 г. курсу равнялось 62 500 червонным руб[22]. На секции коммунального хозяйства Петросовета 11 мая 1923 г. было признано, что выполнение «классовой функции» ломбарда невозможно без существенного роста его капитала. Общая сумма убытков на 1 января 1924 г. достигла 9 207,91 руб., что вынуждало правление просить у Госбанка как можно скорее предоставить ссуду, чтобы «не обескровить финансы»[23].

Но полученная в конце января 1924 г. ссуда (50 тыс. руб. золотом) оказалась настолько мала, что уже через пять дней почти 80 % ее были использованы на денежные выдачи гражданам[24]. В продлении кредита и увеличении его до 600 тыс. руб. Госбанк отказал «ввиду мобилизации всех собственных денежных средств на хлебную кампанию»[25].

Коммунальная секция Ленсовета, проведя обследование деятельности ломбарда в июне 1924 г., пришла к выводу, что классовый принцип в его операциях проводился в жизнь «вполне удовлетворительно», но грозил подорвать бюджет кредитного учреждения[26]. Для решения этой проблемы в октябре 1924 г. ломбард был акционирован. Основной капитал его составлял 600 тыс. руб. и формировался путем эмиссии ценных бумаг. Было выпущено 6000 акций номиналом 100 руб. Непременным условием акционирования являлось сохранение контрольного пакета акций в размере 51 % за государственными органами. Но в числе акционеров Ленинградского городского ломбарда значились только Губернский отдел коммунального хозяйства и Ленинградский коммунальный банк. То есть фактически он продолжал действовать как сугубо государственное предприятие.

С 1924/25 г. Ленинградский ломбард начал принимать вещи на хранение без выдачи под них ссуд. Валовая прибыль по этим операциям составила 2 374 руб. при взимании 2 % в месяц от оценочной стоимости вещи, в 1925/26 г. — 5 816 руб. при 1 %. Снижение процента сделало эту услугу более востребованной: количество сданных номеров повысилось с 218 до 1 487 (надо отметить также, что отчасти популярность хранения выросла вследствие запрещения в 1925/26 г. Наркомфином «ломбардных операций» банкам). Столь низкий процент не был прибылен для ломбарда, поскольку в числе сдававшихся на хранение вещей имелось множество ковров, дорожек, портьер, требовавших на чистку и уборку значительных затрат времени, труда и дезинфицирующих и антимолевых средств. Впоследствии эти вещи стали приниматься на хранение с оплатой до 2 % от их стоимости. Этой услугой чаще всего пользовалась «зажиточная» публика (в числе сданных вещей фигурировали собольи и норковые палантины, а также такие экзотические предметы гардероба, как пальто «кротовое», «выхухолевое» и «на кенгуровом меху»). Но эти операции имели только вспомогательное значение в деятельности ломбарда, занимая в общем их числе не более 0,6 %[27].

Классовая линия, «твердо проводимая в смысле оказания кредита возможно широким массам малозажиточного и притом трудового населения», предполагала ряд мер: ограничение невысоким пределом размера ссуд, выдачу талонов на право заклада только трудящимся и инвалидам, льготы «трудовой клиентуре» (разрешение для нее второй отсрочки по ссудам выше 25 руб.). Размер процентов все же оставался высоким. В 1922/23 операционном году ставка по таким закладам, как драгоценности, меховые вещи и ковры, составляла 6 %, а по носильным вещам и обуви — 3 % (при сумме заклада до 15 руб.) и 6 % (при более высокой сумме). В дальнейшем ставки неоднократно понижались, дифференцированно от вида и стоимости заклада. К 1929 г. при оценке залога 1–15 руб. процентная ставка равнялась 1,25 %, 16–25 руб. — 1,5 %, 26–50 руб. — 2 %, свыше 50 руб. — 2,75 %.

Правление объясняло подобную политику тем, что успешное развитие операций и получаемые заемные средства усиливали оборот по ссудным операциям. Но все это негативно сказывалось на доходности. Так, после снижения в первом полугодии 1927/28 г. среднего месячного процента по залогам (по сравнению с соответствующим периодом предыдущего операционного года) с 2,25 до 1,72 %, чистая прибыль на основной капитал сократилась до 12,5 % против 21 %. По словам руководства, «это явление кажется на первый взгляд отрицательным, в действительности же подчеркивает правильную политику правления, обслуживающего главным образом, если не исключительно, трудящихся»[28]. Это позволяет сделать вывод, что на советский ломбард смотрели не как на источник извлечения высокой прибыли, а как на социальное учреждение.

Средний размер ссуды в Ленинградском ломбарде в 1922/23 г. равнялся 10,3 руб., в 1923/24 г. — 11,9 руб., в 1924/25 г. — 16,1 руб., в 1925/26 г. — 19,28 руб.; в 1926/27 г. — 16,70 руб.; в 1927/28 г. — 18,78 руб.; в 1928/29 г. — 18,22 руб.

Столь незначительные суммы считались несомненным свидетельством «правильного» состава заемщиков. К сожалению, достоверно установить социальный состав клиентов ломбарда по имеющимся данным не представляется возможным. Ссуды выдавались, как правило, по так называемым «безыменным» (предъявительским) билетам, и лишь по желанию залогодателя — по именным квитанциям. Известно, например, что в числе получателей крупных ссуд (350–500 руб.) значился Алексей Николаевич Феона, в 1919–1927 гг. служивший режиссером Малого оперного театра и стоявший у истоков создания Театра музыкальной комедии.

Представляется все же, что ограничение размера денежных выдач являлось вынужденным следствием недостатка оборотных средств. Как отмечали докладчики на заседании секции Института экономических исследований Наркомата финансов СССР 13 февраля 1925 г., средства ломбардов не достигали и 8% довоенных[29]. Нужда заставляла постоянно прибегать к займам в кредитных учреждениях — Коммунальном банке и конторе Госбанка. Однако в то время как Московский городской ломбард в 1926 г. располагал 1700 тыс. руб. заемных средств (при собственных — около 1 млн), Ленинградский ломбард никогда не получал более 424 тыс. руб.[30] При этом банковский кредит в других городах оказывался даже более доступным. В частности, Московскому ломбарду выдавались кредиты под 6 % годовых, ломбардам в Ростове-на-Дону и в Саратове — под 8%. Госбанк же предоставлял Ленинградскому ломбарду кредит исходя из 10% годовых, а Комбанк — из 13%. С марта 1928 г. был установлен единый размер учетного процента по стране — 10%[31].

Ломбардный кредит был востребован в течение всех 1920-х гг., о чем свидетельствуют данные таблицы.

Операции Петроградского-Ленинградского ломбарда[32]

Годы	Число залоговых операций	Число выкупных операций	Число отсрочек возвращения ссуд
1922/23	31 719	25 738	11 172
1923/24	83 099	59 183	71 445
1924/25	204 868	174 198	288 862
1925/26	210 223	198 584	283 970
1926/27	295 111	223 514	330 698
1927/28	355 640	343 270	481 276
1928/29	511 384	412 998	516 874

Как видно из приведенных в таблице данных, большой прирост числа залогов произошел в 1923/24 и 1924/25 гг. Известно, что в 1922–1924 гг. зарплата на многих советских предприятиях не выплачивалась месяцами, из-за чего случалось до 50 % производственных конфликтов[33]. Но и сам по себе размер оплаты труда не обеспечивал гражданам материального благополучия. Работница фабрики в Полюстрово в декабре 1924 г. жаловалась в письме: «30 руб., которые получаю на фабрике, конечно, не хватает на жизнь. Бывают минуты страшного отчаяния, когда неделями буквально побираешься, так как сейчас все обесценено, никто ничего не покупает, полное безденежье у всех»[34]. Средний месячный заработок рабочих Ленинграда в 1924/25 г. составлял 62–68,73 руб., в 1925/26 г. — 70,27–77,58 руб.[35] Бедны были и служащие, о чем свидетельствуют такие показатели, как продажа вещей и продовольствия из запасов (в ленинградских семьях она составляла 3,6 % бюджета), кредит в лавках и кооперативах (2,8 %) и заем в долг (5,3 %)[36].

Необходимо подчеркнуть, что цифровые данные таблицы не совсем точно отражают действительный спрос горожан на потребительские кредиты. Число закладов могло быть значительно большим. Перегруз помещений и недостаток операционных средств приводили к образованию громадных очередей. С раннего утра (а весной, когда граждане массово сдавали в залог зимние вещи, — с вечера) вокруг ломбарда собирались толпы людей, желавших получить ссуды. В 1926/27 г. число обращений в Ленинградский ломбард выросло по сравнению с предшествующим годом на 250 %, но имелась возможность удовлетворить только до 40 % заявок. Максимальная пропускная способность Главной конторы не превышала 1 400 залоговых операций в день. Чтобы избежать излишнего хождения клиентов и сократить очереди, правление было вынуждено ввести систему предварительной записи на право заклада.

Слухи о войне с Великобританией (на фоне ряда необдуманных решений правительства в денежно-кредитной сфере, таких, например, как директивное снижение цен) вызвали явное беспокойство обывателей, ажиотажный спрос и товарный голод. Только во втором квартале 1927 г. население закупило впрок около 25 млн пудов хлеба[37]. Очевидно, нехватку денежных средств для покупки товаров «про запас» многие граждане пытались компенсировать с помощью ссуд под залог вещей. Кроме того, репрессии против крестьян и частных торговцев привели к тому, что люди теряли привычные источники снабжения и также были вынуждены прибегать к ломбардному кредиту. В дни выдачи талонов на право заклада у дверей Ленинградского ломбарда скапливались десятки тысяч человек. Например, 25 апреля 1927 г. было роздано свыше 15 тыс. ярлыков, очереди оказались распределены сроком по 15 мая включительно. Кроме того, ежедневно к ломбарду стекались горожане, которым не удалось получить заветного номерка. Вполне предсказуемой стала спекуляция этими талонами, а массовые отказы в приеме залогов стали «выливаться в форму физического насилия над сотрудниками ломбарда»[38].

Вместе с тем увеличивалась и продолжительность нахождения вещей в залоге. Изначально ссуды гражданам предоставлялись на один месяц, и еще пятнадцать дней давалось на перезалог. Очевидно, столь короткий срок предусматривался с целью увеличения оборота капитала. Однако реальная практика заставила пересмотреть это решение, и с 1 января 1926 г. сроки залога были увеличены до двух месяцев. С учетом льготного периода, средний срок пользования ссудой в 1925/26 г. составил 120 дней, в 1926/27 г. — 139, а по Главной конторе — даже 147 дней[39]. О том, что граждане широко пользовались правом перезалога, свидетельствуют данные таблицы, согласно которым число отсрочек возвращения ссуд стабильно (за исключением первых лет работы ломбарда) превышало число как залоговых, так и выкупных операций.

С течением времени менялось и соотношение закладов. В 1925/26 операционном году 103 187 залогов (49,1 % от их общего количества) на сумму 2 137 211 руб. пришлось на изделия из драгоценных металлов, 46 245 (22 %) на сумму в 1 101 890 руб. — на ковры, меха, занавеси и прочие подобные предметы, 60 791 (28,9 %) на сумму 752 286 руб. — на бытовую утварь. В 1926/27 г. ломбард принял драгоценностей 116 808 номеров (или 39,58 % от общего количества закладов), меховых вещей — 75 978 номеров (25,75 %), а дешевых носильных вещей, белья, обуви и предметов домашнего обихода (самовары, швейные машины, столовые приборы и пр.) — 102 325 номеров (34,67 %)[40]. В 1929/30 г. драгоценностей было принято 206 620 номеров (27,4 % от общего количества закладов), вещей домашнего обихода — 17 827 номеров (2,5 %), а носильных вещей — 526 267 (свыше 70 %)[41]. Таким образом, если в прежние годы наибольший удельный вес в числе сдаваемых в ломбард предметов имели изделия из драгоценных металлов, то в конце 1920-х гг. их количество сократилось до четверти всех принимаемых закладов. Сотрудница Пушкинского дома Е. Б. Чернова, семья которой в 1924 г. отнесла в ломбард столовое серебро, в дальнейшем столкнулась с необходимостью «закладывать платья и пальто, иногда нужно было выкупить одно пальто, а для этого приходилось заложить другое, тут же в ломбарде сняв его с плеч»[42].

Самое очевидное объяснение тому — уменьшение количества ценных вещей на руках у населения к концу десятилетия. Отчасти падение удельного веса драгоценностей в структуре закладов было связано с появлением с 1925 г. в практике Ленинградского ломбарда правила, согласно которому правом на получение ссуды под залог пользовались только трудящиеся, пенсионеры и те категории безработных, которые имели соответствующее удостоверение от Биржи туда. За час-полтора до открытия операций комендант ломбарда производил раздачу талонов, предварительно просматривая предъявляемые ему документы — профсоюзные билеты, трудовые списки, расчетные или пенсионные книжки. Получивший талон допускался в операционное помещение к оценщику, который также имел право проверки документов. Подобный порядок фактически лишал «социально чуждых» (основных залогодателей изделий из драгоценных металлов и камней)

легальной возможности стать клиентами ломбарда. Впрочем, непредъявление удостоверений личности при оформлении залогов являлось одним из самых распространенных нарушений в ломбардном делопроизводстве[43].

Соотношение выкупных и залоговых операций может считаться косвенным свидетельством уровня благосостояния населения. Если разница между числом выкупных и залоговых операций невелика, можно предположить, что у населения имеются средства для выкупа заложенных вещей. Если же граждане в значительной мере оставляют вещи в ломбарде в качестве невыкупленных закладов, следовательно, у них на руках недостаточно денег. За семь лет работы, пришедшихся на годы НЭПа, Ленинградский ломбард принял 1 692 044 номера закладов, под которые выдал ссуд на сумму 28 851 372 руб. Из них граждане выкупили 1 457 078 закладов на сумму 24 349 956 руб.[44] Как следует из статистических данных, наибольшие трудности с выкупом залогов ленинградцы испытывали в 1928/29 г.

В 1929/30 г. 94,9 % оборотного капитала Ленинградского ломбарда (4 693 851 руб.) были размещены в ссудах под заклады, при этом свыше 78 % их пришлось на самые мелкие ссуды — до 25 руб.[45] Но для насыщения кредитом, по оценкам современников, требовался капитал, в 6–8 раз превосходящий эти наличные ресурсы.

С каждым годом обороты ломбарда увеличивались. Даже с учетом того, что многие имели на руках по два и более закладных документа, можно утверждать, что он обслуживал почти все трудящееся население. В 1920 г. в Ленинграде проживали 722 тыс. чел., в 1926 г. — 1 614 тыс. чел., к 1930 г. — 2 009,5 тыс. чел. По данным переписи 1926 г., средний состав ленинградской семьи составлял 3,3 чел.[46] По всей видимости, не будет большой натяжкой предположение, что число ежегодных закладов к началу 1930-х гг. (в 1929/30 г., например, 750,7 тыс. номеров) значительно превышало количество наличных хозяйств. Следовательно, подавляющее большинство семей ленинградцев пользовались услугами ломбарда.

Статистические данные позволяют прийти к выводу, что залоговая активность населения росла в течение всего десятилетия. Несмотря на то, что ломбардный кредит сдерживался во многом искусственно (вследствие недостаточности оборотных средств), можно все же говорить о его особенной востребованности в условиях социально-экономических кризисов.

Популярность этого вида потребительского кредитования со всей очевидностью свидетельствует, что период НЭПа не стал изобильным для большинства горожан (в лучшем случае, речь можно вести об относительном благополучии). Ломбард в течение 1920-х гг. выступал для них как учреждение социальной поддержки. Полученные средства граждане тратили на повседневные нужды, что подтверждается небольшими размерами денежных выдач.

Данные об отсрочках возвращения ссуд и постоянный рост срока нахождения вещей в закладе говорят в пользу тезиса о невысокой платежеспособности клиентов ленинградского ломбарда. Очевидно при этом, что запас имущества (которое можно было бы оставить в заклад) у граждан с течением времени сокращался.

Сворачивание НЭПа коснулось и кредитных учреждений. 23 февраля 1929 г. Президиум исполкома Ленсовета принял решение реорганизовать акционерное общество «Ленинградский городской ломбард», состоявшее к тому времени из трех отделений: Главного, Центрального и Петроградского[47].

Депутаты отмечали положительные тенденции в работе ломбарда, как то: с момента акционирования среднегодовое количество ссуд выросло в 2,5 раза, размер средней ссуды повысился почти в 1,25 раза, ставки по ссудам снизились в 1,5 раза, а срок ссуд был увеличен вдвое. Вместе с тем констатировалась чрезвычайная недостаточность оборотных средств, вызывавшая затруднения в его работе: незначительный размер средней ссуды (17,39 руб.), громадные очереди, значительный рост отсрочек (481 276 против 330 698 в 1926/27 г.) и продаж просроченных закладов (5 072 против 2 936). Члены Ленсовета сочли, что акционирование ломбарда себя не оправдало. Поэтому они постановили признать целесообразным реорганизацию акционерного общества в Ленинградский коммунальный ломбард[48]. Акционерный капитал, принадлежавший Ленкомбанку, выкупался Отделом коммунального хозяйства (за счет получения в нем же специальной долгосрочной ссуды в 686 тыс. руб.) и перечислялся в уставный капитал коммунального ломбарда.

Таким образом, он вновь становился государственным предприятием на формально-юридических основаниях. Размер процента за пользование ссудой был уменьшен до 9,6% годовых. Но с начала 1930-х гг. прибыль уже не играла сколько-нибудь заметной роли в накоплении собственных ресурсов, выполняя скорее функции страховки от убытков. Ломбард окончательно занял нишу мелкого потребительского кредитования.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00125 «Государственная политика в сфере прав потребителей в СССР».

[2] *Черненко В. А.* Потребительский кредит в Российской Федерации. СПб., 2002. С. 72.

[3] История Министерства финансов в России: В 4 т. М., 2002. Т. 2: 1917–1932 гг.

[4] Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 116–117.

[5] *Кириллов И. А.* Ломбарды в России. Репр. изд. М., 1992. С. 25, 27.

[6] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 3199. Оп. 13. Д. 578. Л. 25.

[7] Там же. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–24 об.

[8] Пред осенью (Думы поэта) // Петроградская жизнь. 1918. № 3. С. 8.

[9] ЦГА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 10. Л. 18–18 об.

[10] Там же.

[11] Ссудные казны была закрыты еще в апреле 1919 г., а выдача закладов из них окончательно была прекращена постановлением СНК РСФСР от 15 апреля 1920 г.

[12] ЦГА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

[13] Там же. Д. 1. Л. 32.

[14] Там же. Д. 10. Л. 33.

[15] См., например: *Ходяков М. В.* 1) Сепаратные эмиссии периода Гражданской войны как фактор экономической дезинтеграции регионов России. 1917–1920 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. История. № 3. С. 85–90; 2) «Керенки» и их изготовление в Петрограде в 1917 г. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 19. СПб., 2014. С. 116–127; *Петин Д. И.* Эмиссионная политика дальневосточного «буфера» в 1920 г.: новые факты // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 41–56.

[16] *Ходяков М. В.* Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 7.

[17] ЦГА СПб. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 10. Л. 111.

[18] Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 64. Ст. 829.

[19] Кредит за десять лет. М., 1927. С. 27.

[20] ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 6. Д. 62. Л. 429.

[21] Там же. Ф. 3178. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

[22] Там же. Л. 4.

[23] Там же. Д. 165. Л. 73.

[24] Там же. Л. 79.

[25] Там же. Д. 265. Л. 140.

[26] Там же. Л. 117.

[27] Там же. Ф. 3199. Оп. 13. Д. 578. Л. 37.

[28] Там же. Оп. 2. Д. 487. Л. 37.

[29] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 4. Д. 1029. Л. 47.

[30] ЦГА СПб. Ф. 3178. Оп. 1. Д. 453. Л. 65.

[31] Там же. Ф. 3199. Оп. 2. Д. 487. Л. 39.

[32] Там же. Ф. 3199. Оп. 13. Д. 578. Л. 31, 37.

[33] *Борисова Л. В.* Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 211.

[34] Голоса из прошлого. Письма 20-х годов, не дошедшие до адресатов // Наука и жизнь. 1994. № 3.

[35] Труд и профдвижение в Ленинградской губернии в 1925/26 гг.: стат. справ. Л., 1926. С. 30–31.

[36] *Гумилевский Н. С.* Бюджет служащего к началу 1925 г. // Вопросы труда. 1925. № 7/8. С. 81.

[37] *Голанд Ю.* Кризисы, разрушившие НЭП. 2-е изд. М., 1998. С. 59.

[38] ЦГА СПб. Ф. 3199. Оп. 2. Д. 487. Л. 26 об.–27.

[39] Там же. Л. 19 об.

[40] Там же. Л. 20.

[41] Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 45 об., 49 об., 51 об.

[42] *Чернова Е. Б.* «Я пишу то, что помню...». СПб., 2011. С. 137.

[43] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 1024. Л. 143.

[44] ЦГА СПб. Ф. 3199. Оп. 13. Д. 578. Л. 31.

[45] Там же. Оп. 5. Д. 20. Л. 81.

[46] *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 74.

[47] ЦГА СПб. Ф. 3199. Оп. 4. Д. 4. Л. 176.
[48] Там же. Оп. 13. Д. 563. Л. 52–52 об.

УДК 94 (47):338.46

Твердюкова Е. Д. **«Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда-Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие. 1918–1928 гг. //** Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 33 – 46.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена деятельности ломбардов Петрограда-Ленинграда в 1918–1928 гг. Впервые в историографии исследована деятельность учреждений потребительского кредитования в первые послереволюционные годы. В ходе исследования автором были использованы делопроизводственные документы и статистические материалы из нескольких архивных фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, нормативно-правовые акты, источники личного происхождения. Показано, что ломбарды сыграли большую роль в выживании населения в социальных катаклизмах 1917–1919 гг., особенно представителей так называемых «бывших». Но кредиты и ссуды воспринимались советской властью как элементы чуждого, буржуазного экономического механизма. Это стало причиной муниципализации ломбардного дела в советской России в 1919 г. Создание акционерных ломбардов с началом НЭПа не изменило их экономической природы. Они работали как социальные учреждения, и были призваны обслуживать только малоимущее население. Полученные средства граждане тратили на повседневные нужды. Данные об отсрочках возвращения ссуд и постоянный рост срока пользования ссудой свидетельствуют о невысокой платежеспособности клиентов ленинградского ломбарда. Залоговая активность населения росла в течение всех 1920-х гг. Но особенно востребован ломбардный кредит оказывался в условиях социально-экономических кризисов. Максимальное число вкладов пришлось на 1928-й — год свертывания НЭПа и ухудшения материального положения трудящихся. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что подавляющее большинство семей ленинградцев пользовались услугами ломбарда. Таким образом, в первое послереволюционное десятилетие ломбарды оправдывали свое название «банков для бедных».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ленинград; новая экономическая политика (НЭП); потребительский кредит; ломбард; денежная ссуда.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); e.tverdyukova@spbu.ru

---

Tverdyukova E. D. **“Banks for the Poor”: Activity of Pawnshops of Petrograd-Leningrad during the first Post-Revolutionary Decade. 1918–1928**

ABSTRACT: Article is dedicated to the activity of Petrograd-Leningrad pawnshops in the first post-revolutionary decade. The activity of the establishments of consumer crediting in the first post-revolutionary years is investigated in the first time in historiography. For the case study author used documents and statistical materials from several archive funds for the central Public Archive of Saint Petersburg, normative-lawful reports, sources of personal origin. And it is shown that pawnshops played large role in the survival of population in the social cataclysms 1917–1919, especially for the so-called “byvshie”. But credits and loans were received as the

elements of bourgeois economic mechanism by the Soviet regime. It became the reason for the municipalization of the pawnshop matter in Soviet Russia in 1919. The creation of joint-stock pawnshops since the beginning of the NEP did not change their economic nature. They worked as social establishments and they were called attend only poor population. Citizens employed the obtained moneys for the daily needs. The data about the postponements of the return of loans and a constant increase in the period of the use of loan testify about the low solvency of the clients of Leningrad pawnshop. The guarantee activity of population is tall during all 1920s. But especially pawnshop credit was claimed under the conditions of social and economic crises. The maximum number of contributions was necessary on 1928 – the year of the coagulation of NEP and worsening in the material position of workers. The investigation makes it possible to come to the conclusion, that the majority of the families of residents of Leningrad used the services of pawnshop. Thus, the pawnshops justified their name «of banks for the poor» in the first post-revolutionary decade.

KEYWORDS: Leningrad; new economic policy (NEP); consumer credit; pawnshop; money loan.

AUTHOR: Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e.tverdyukova@spbu.ru

REFERENCES:

[1] Chernenko V. A. ***Potrebitel'skij kredit v Rossijskoj Federacii*** (St. Petersburg, 2002).

[2] ***Istoriya Ministerstva finansov v Rossii***, 4 volumes (Moscow, 2002).

[3] ***Kredit i banki v Rossii do nachala XX veka: Sankt-Peterburg i Moskva*** (St. Petersburg, 2005).

[4] Kirillov I. A. ***Lombardy v Rossii*** (Moscow, 1992).

[5] Khodjakov M. V. 'Separatnye ehmissii perioda Grazhdanskoj vojny kak faktor ehkonomicheskoj dezintegracii regionov Rossii. 1917–1920 gg.', ***Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta***, Ser. 2: ***Istoriya***, no. 3, 2006.

[6] Khodjakov M. V. '«Kerenki» i ix izgotovlenie v Petrograde v 1917 g.' in ***Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta***, Iss. 19 (St. Petersburg, 2014).

[7] Petin D. I. 'Ehmissionnaya politika dal'nevostochnogo «bufera» v 1920 g.: novye fakty', ***Novejshaya istoriya Rossii***, no. 2, 2012.

[8] Khodjakov M. V. ***Den'gi revolyucii i Grazhdanskoj vojny: denezhnoe obrashhenie v Rossii. 1917–1920 gg.*** (St. Petersburg, 2009).

[9] Borisova L. V. ***Trudovye otnosheniya v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.)*** (Moscow, 2006).

[10] 'Golosa iz proshlogo. Pis'ma 20-x godov, ne doshedshie do adresatov', ***Nauka i zhizn***, no. 3, 1994.

[11] ***Trud i profdvizhenie v Leningradskoj gubernii v 1925/26 gg.*** (Leningrad, 1926).

[12] Gumilevskiy N. S. 'Byudzhet sluzhashhego k nachalu 1925 g.', ***Voprosy truda***, no. 7/8, 1925.

[13] Goland Yu. ***Krizisy, razrushivshie NEP***, 2nd ed. (Moscow, 1998).

[14] Chernova E. B. ***«Ya pishu to, chto pomnyu...»*** (St. Petersburg, 2011).

[15] Aralovez N. A. ***Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927–1959 gg.*** (Tula, 2009).